

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. – М., 2007.
2. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. – М., 1984.
3. Марксистско-ленинская теория исторического процесса: в 3 т. – М., 1981-1983.

Literature

1. Gegel' G.V.F. Phenomenology of spirit. – M., 2007.
2. Il'enkov E.V. Dialectical Logic. – M., 1984.
3. Marksists-lenins theory of the historical process: in 3 Vol. – M., 1981-1983.

Сведения об авторе

Давыдов Александр Владимирович – аспирант кафедры философии Кубанского государственного университета, Краснодар, e-mail: davvv@rambler.ru

Data on author

Davydov Aleksandr Vladimirovich – postgraduate of department of philisophy of Kubanskiy State University, e-mail: davvv@rambler.ru

УДК 111.6 + 165.(2 + 1)

ББК 87.22+87.4

В.А. Иванова

СТРУКТУРА И СИНЕРГЕТИЧНОСТЬ ЯЗЫКА НАУКИ

В статье на основании семиотического подхода исследована структура языка науки с позиции его внутренней и внешней системности. Внешняя рассматривается в соответствии с условиями и целями научного дискурса в целом, внутренняя – в соответствии с его видами и формами. Показано, что семиотический анализ роли метафоры способствует выявлению особенностей парадоксов как противоречий в языке науки, возникающих в росте научного знания.

Ключевые слова: язык науки, структура, виды, системность, семиотика, онтология, гносеология.

V.A. Ivanova

STRUCTURE AND SINERGIA OF THE LANGUAGE OF SCIENCE

In The article the structure of science language is researched from the point of the semiotic approach. Such approach allows the author to analyze the science language from the position of its internal and external systematization. The external one is considered in compliance with conditions and purposes of the scientific discourse at large. The internal one is considered in compliance with its types and forms. The semiotic analysis of the role at a metaphor promotes the discovery of the paradoxes features as contradictions in the science language, appearing in the growth of the scientific knowledge.

Key words: science language, structure, the forms, the systematization, semiotics, ontology, gnosiology.

Общее языка науки представляет собой семиотическую систему, которая выражает объективные отношения и формы реальности. Особенное в нем – это терминологическая система, стремящаяся к жесткой связи между знаком и значением и четкому определению правил описания и объяснения.

Логическая структура языка науки вообще представлена сложноорганизованной системой видов, форм и функций. Формы языка науки онтологически определяются предметом и существующими парадигмами познания.

Онтологическая классификация выражена в его предметной классификации на языки физики, химии, биологии, математики, истории, социологии и т.д. Их синтез обычно обсуждается на уровне синхронии, но с учетом особенностей «дифференциальной интеграции». Вторая онтологическая классификация определяется картинами мира и парадигмами. Например, в исследованиях истории и философии науки возможно выделить такие формы, как язык преднаучной картины мира, механистической картины мира, современной общенаучной картины мира, язык квантово-механической картины мира.

Виды определяются уровнями и методами научного познания. Среди видов языка науки можно выделить эмпирический и теоретический язык науки, язык наблюдения, эксперимента, индуктивный и дедуктивный языки. Методы теоретического уровня – абстрагирование и формализация – в силу того, что их высокая степень абстрактности есть обязательное условие интенциональности научного познания, выступают как достаточные, но не необходимые грани уровня мышления. Они выражают коренную природу языка науки, имманентно включены в него и не могут быть каждый в отдельности основанием для родовидового деления.

Абстрагирование в научном познании возможно посредством идеализации объектов или их подструктур, поэтому в понятии «язык науки» ключевой категорией, выражающей функциональную сущность явления «язык науки», является категория «идеализированный объект». Формализация знания возможна только при высокой степени идеализации объекта.

Анализ не включен в эту линию оснований деления также по определенным соображениям.

Прежде всего любой вид языка науки стремится быть аналитичным, так как это некая гарантия успеха в формировании как феноменальной, так и эссенциальной теории. Язык науки вообще должен характеризоваться аналитичностью. Другое дело, что эта характеристика не может быть достаточной для исследования языка науки как семиотической, открытой и динамичной системы.

Ясно, что классификации довольно условны, так как содержательность любого из уже названных языков обеспечивает их теснейшую взаимосвязь и тем самым делает классификацию уязвимой с формально-логической точки зрения. Например, описательная и объяснительная формы могут быть взаимозависимы при высокой степени организации определенного предметного языка науки. Объяснительная подразумевает эссенциальность подхода в познании, где в идеале открывается содержание объекта. Изучение сущности обязательно связано с описанием фактов, многообразных явлений, демонстрирующих форму как самого объекта, так и его связей и отношений. Форма, как известно, включена в содержание. Содержание предмета проявляется в разнообразных формах. Следовательно, существование объяснительного языка невозможно без описательного. Здесь удобнее использовать терминологию Гемпеля. Язык в форме экспланандума (описания явлений) взаимосвязан с другой его формой – экспланансом (класс предложений, объясняющих данное явление).

Взаимосвязь этих форм отражает уровень организации языка науки с другой стороны, нежели показатели уровня абстрагирования и формализации. Эмпирический язык больше представлен понятийной системой феноменального порядка, это репрезентация явления объекта субъекту. Естественным образом он реализуется с помощью языков наблюдения и эксперимента. При их использовании раскрываются все методологические особенности соответствующих методов. Эмпирический язык науки немыслим без имманентного присутствия в нем теоретического языка. Проводя, например, наблюдение, ученый опирается на некую теорию. Получается язык экспланандум-экплананс с доминантой в той части, которая наиболее адекватна в данный момент исследования (экспланандума или эксплананса) целям и задачам ученого.

Между тем, обратим внимание на объективную методологическую трудность в оценке взаимосвязи эмпирического и теоретического языков. В ней отражается вся специфика условности признанной классификации уровней познания на эмпирический и теоретический. По словам Д.И. Дубровского, «проблема соотношения теоретического и эмпирического – один из самых болезненных пунктов теории познания... Трансцендентальный субъект – это, в сущности, теоретический субъект, и постольку должен быть корректно соотношен с

эмпирическим субъектом» [1, 42]. Выверенный, аналитический язык теории возможен только при корреляции со стороны эмпирического языка. Более свободная «мифопоэтичность» последнего, открытая природа, флективность предусматривают возможности наполнения теоретического языка новыми лексико-гносеологическими единицами, смыслами, идеями, значимость которых будет осознаваться в теоретическом языке.

Надо сказать, что в современной философии существует другой взгляд на классификацию языка науки. Т.Г. Лешкевич классифицирует языки научной теории на основе ее внутренней структуры. (Считаем правомерным обратиться к учебному пособию, так как в источниках подобного типа отражена часть фундаментального знания конкретно-исторического времени, представлен соответствующий язык науки). Языки науки различаются на основании того, в какой из подсистем теории они преимущественно используются.

- Ассерторический – язык утверждения. С его помощью формулируются основные утверждения данной теории. Ассерторические языки делятся на формализованные и неформализованные. Примерами служат любые формальные логические языки и фрагменты естественных языков, содержащие утвердительные предположения, дополненные научными терминами.

- Модельный – язык, служащий для построения моделей и других элементов модельно-репрезентативной подсистемы. Эти языки имеют развитые средства описания и также подразделяются, как и предыдущие. При этом формализованные основываются на языке средств математической символики.

- Процедурный язык, занимающий подчиненный ранг классификации и служащий для описания измерительных, экспериментальных процедур, а также правил преобразования языковых выражений, процессов постановки и решения задач. Его особенностью является однозначность предписаний.

- Эротетический язык ответствен за формулировку вопросов, проблем, задач или заданий.

- Аксеологический язык – язык, создающий возможность описания различных оценок элементов теории. Он располагает средствами сравнения процессов и процедур в структуре самой научной теории.

- Эвристический язык осуществляет описание эвристической части теории, то есть исследовательского поиска в условиях неопределенности. Именно с его помощью производится столь важная часть исследования, как постановка проблемы [2, 294-295].

Данная классификация весьма подробно и гибко вскрывает принципы внутренней организации научной теории. Действительно, в каждой такой теории обязательно обнаруживается ассерториче-

ский язык, и, что немаловажно, автор не отрицает присутствия фрагментов естественного языка в языке науки. Модельный, процедурный и эстетический языки, вне сомнения, также участвуют в организации и структуризации научных теорий. Но некоторые моменты вызывают сомнение. Есть частные возражения, то есть в случае принятия этой классификации требуются уточнения. Есть более общие вопросы о смысле и значении такого подхода к анализу языка науки.

Вначале о частном. Два оставшихся вида языка научной теории, на наш взгляд, требуют более осторожного отношения к себе. Речь о том, что аксеологический и эвристический языки определяют границы теории как внутренние, так и внешние. Средствами названных языков формулируются возникающие вопросы и проблемы, не всегда решаемые этой теорией, именно они репрезентируют необходимость перехода от одной теории к другой и формируют его в виде новых познавательных задач, к тому же только они способны поставить под сомнение полученные данной теорией выводы и обусловить ее фальсификацию или верификацию. Помимо всего эти языки отличаются большей полиморфностью, нежели все другие, указанные Лешкевич, в силу, во-первых, явного присутствия в них языковых единиц естественного языка (невозможно высказать оценку или сформировать предположение, идею, даже с позиции другой научной теории, без собственных представлений (не понятий) и мнения, во-вторых, и аксеологический, и эвристический языки предполагают выход за пределы данной научной теории и построение метаязыка по отношению к ее языку. Считаем, что соотношение языков науки, указанных в подходе Лешкевич, и языков предметного подхода следующее. Классификация Лешкевич демонстрирует внутреннее строение научной теории, значит, и структурные элементы каждого предметного языка, впрочем, также как теоретического и эмпирического языков. Полученные таким образом две классификации можно схематически различать как внутреннюю и внешнюю, предметную и уровневую по отношению к научной теории. Они взаимодополняют друг друга, позволяя более полно анализировать язык науки.

Данный вывод еще раз убеждает в необходимости исследования языка науки в его динамике. На основе анализа разных классификаций языков науки считаем важным учитывать критерии рациональности научного знания. Предполагаем, что рациональность научного знания во всех его формах не способна прояснить и развивать весь онтолого-гносеологический потенциал современного языка науки.

Однако даже с учетом этих замечаний согласиться с классификацией языков науки по Лешкевич полностью и непротиворечиво в контексте нашей задачи весьма затруднительно. Сформиру-

ем обобщенное мнение о подобном подходе к языку науки. Данная классификация посредством представлений об организации научной теории формирует знание о видах языка научной теории. Нам представляется, что в таком смысле она выглядит «искусственной». Поясним мысль. «Искусственная классификация – это прежде всего описательно-распознавательная система, представляющая классифицируемую область в удобном для обозрения, запоминания и распознавания виде... (Она – В.А.) более отделяет друг от друга объекты разных групп, равно как и группы, чтобы дать возможность по отдельности обозреть их все, чем соединяет их в единой системе» [3, 33-34]. Поэтому предложенную классификацию применить к языку науки проблематично. Любому из видов языка, указанных нами ранее (экспериментального, эмпирического, теоретического, физического, химического), свойственны в разной степени, но все качества, называемые Т.Г. Лешкевич «видами языка».

Онтологический и системный анализ языка науки позволит выявить сложнейшую взаимосвязь этих качеств только тогда, когда мы учтем: «Распределение объектов по группам здесь (в «искусственной» классификации – В.А.) осуществляется на основании некоторого минимального числа их постоянных, однако не обязательно существенных для этих объектов свойств... Установленный порядок... носит внешний, формальный порядок» [3, 34]. Вот что помешало применить подобную классификацию языков в нашем системном анализе – диктат логики, посредством которого создается стройная, четкая система, удобная для регистрации наличия каких-либо объектов. Причем значимость этих объектов тем самым занижена.

Во-первых, она снижена исходной установкой на выбор родового понятия как одной из форм научного знания, тем самым – на отграничение языка науки от всяких других только признаком теоретичности. Есть же другие формы мышления, не чуждые языку науки: ощущение, восприятие, представление. Во-вторых, каждый из членов деления по содержанию шире, чем если бы он был просто видом языка научной теории. Например, ассерторический как язык утверждения (посмотрим еще раз его характеристику). Можно выдумать сколько угодно утвердительных по форме предположений, но назвать их лексико-гносеологическими единицами языка научной теории – это еще вопрос. Кроме того, ассерторичность свойственна гипотезе. Если исходить от латинского *asserto* – «утверждаю», то это нечто установленное, достоверное. Ассерторические утверждения в языке науки утверждают то, что действительно, достоверно существует («У всех рек есть устье»). Вообще надо сказать, что это скорее признак любого вида и формы языка науки – эмпирического, теоретического, математического, исторического и пр.

И все же, думается, что сама идея подобной классификации имеет весьма ценный смысл, значимый в системном анализе языка науки в целом, но с учетом замечаний. Она указывает на многослойность структуры языка науки вообще. Первоначально заметим наличие в ней части, легче поддающейся формализации (ассерторический, модельный, процедурный, эстетический), и части, труднее или вообще не формализуемой (аксеологический и эвристический). Соотношение этих частей в целом или их «представителей» позволяет демонстрировать динамику функциональной сущности языка науки как саморазвитие сложно-организованной системы.

Качества языка науки, обуславливающие слабость формализации, содержат моменты флуктуационных возмущений. Рассмотрим известный парадокс Шредингера. Вряд ли можно сказать, что изложен он «теоретическим языком». Это эмпирический язык со всеми особенностями языка мыслительного эксперимента, о котором говорилось выше. В нем отражена интенциональность интеллектуального настроя Шредингера на волновые свойства электрона. На этом языке выражена вся широта сомнений ученых («веселый курьез в физике»), гаснущих силой их внутренней уверенности в том, что необходимо применить теорию вероятности – имеет смысл говорить только о плотности *вероятности* нахождения частицы в данной точке, а не о положении частицы.

Идея была первоначально изложена эмпирическим языком, отличающимся большей ассерторичностью, эстетичностью и эвристичностью. Общая картина со всем содержимым языка и условиями сыграла роль внешней метафоры (обеспечивающие целостность теории при разнородности ее языковых элементов). Здесь целостность теории классической механики все еще сохраняется за счет терминов и понятий макромира: «ящик», «кошка», «баночка», «механизм». Понятие «атом», по сути, тоже метафорично, так как, с одной стороны, его смысл в классической механике – «частица» – переносит за собой по инерции в изменяющийся язык физики смысл однозначности его свойств как частицы.

Далее логика языка классической механики даст «сбой» – объект таковыми свойствами может и не обладать. Поэтому начинают формироваться внутренние метафоры (метафоры как образные представления, неявно содержащиеся в каждом слое теории), выполняющие роль флуктуации, малозаметной сразу, но уместной и мощной настолько, что она способна разрушить методологию физики, а за ней и научного познания в целом. Понятие «состояние кошки» и понятие «состояние атома» имеют разный смысл, но эквивалентные значения. «Состояние кошки» имеет значение «указать состояние объекта», понятие «состояние атома» имеет значение «указать состояние объекта». Это обусловлено общностью их внешней метафо-

ры, сформированной в поиске нового физического смысла понятия «состояние частицы». Проблема, оформившаяся как парадокс, заключается в том, что объекты принадлежат к разным уровням мира (макро- и микроуровню соответственно), и тем самым значение логических субъектов высказываний о состоянии атома и кошки не тождественно. По существу речь идет о сопоставлении несопоставимых в одной языковой системе значений понятий «состояние макрообъекта» и «состояние микрообъекта». Эквивалентность значений здесь в принципе невозможна, хотя бы потому, что скорости событий, смены состояний в подобных мирах механистически несопоставимы. Потому и получилось, что кошка «мгновенно-одновременно» жива и мертва.

Такие парадоксы возможны за счет того, что ассерторическое качество языка науки, как в данном случае, допускает фрагменты естественного языка, содержащие утвердительные предположения и дополненные научными терминами. При исследовательском поиске эффективных выразительных средств в условиях неопределенности изменяются или привносятся новые смыслы, изменяющие значение, казалось бы, устоявшихся модельно-эстетических средств языка науки. Другими словами, возможности ассерторического привлекли необходимость использования эвристического качества языка науки. Именно с него начинается столь важная часть исследования, как формулирование и постановка проблемы. А здесь вообще невозможно не сослаться на эстетичность языка науки, грань, ответственную за формулировку вопросов, проблем, задач или заданий.

Затем Шредингером был сформирован концепт – «волновые» свойства частицы. Далее интерпретация идеи о волновых свойствах частицы – атома – производится на формализованном языке математики, что происходит в границах ассерторических средств языка науки, так как эта его сторона указывает на возможность присутствия рядом формализованных и неформализованных фрагментов в нем. Но это уже другой уровень развития языка науки и физической области знания. Одновременно это уже проявление процедурной направленности как одной из граней языка науки. Для формализации потребовалось описание измерительных, экспериментальных процедур, а также правил преобразования языковых выражений, процессов постановки и решения задач. Однозначность предписаний как особенность этого процедурного качества языка науки стала основой процесса формализации. И, безусловно, на протяжении всего процесса размышления об эксперименте Шредингера обязательно проявляется аксеологичность языка науки, потому что требуется описание различных оценок элементов теории, сравнение процессов и процедур в структуре не «самой научной теории» (по Т.Г. Лешкевич), а в

структуре двух физических теорий и математической теории вероятностей.

Анализ этих граней убедил и в том, что они не могут быть свойствами языка науки. Свойство должно выражать то, что присуще предмету, что отличает его от других предметов или делает его похожим на другие предметы (твердость, теплопроводность). Кроме того, описанные стороны языка науки вообще немыслимы друг без друга, и они имманентно содержат не только свойства, но и отношения. При этом отношения не только между собой, но, во-первых, определенного языка науки с другими его видами, во-вторых, языка науки как такового с другими языками познания. Известно, что свойства и отношения в своей совокупности составляют признаки предмета, все, в чем предметы, явления сходны друг с другом или в чем они отличаются друг от друга; это показатель предмета или явления. Значит, эти стороны в логическом смысле имеют значение признаков языка науки, с помощью которых и на основании семиотического подхода удастся провести системный анализ его динамики. Также заметим, что взаимодействие этих признаков в разных конкретно-научных ситуациях будет демонстрировать качество языка науки в определенный момент: насколько он формализован, ближе он к эмпирическому уровню исследования или к теоретическому, каков уровень метафоризации. Внутренние метафоры – почти норма для стабильного языка науки в периоды «нормальной науки», одновременно внутренние и внешние – признак неустойчивости и возможной «научной революции».

Заметим, что такой анализ демонстрирует мысль о направленности языка науки в сторону усложнения смыслов и значений. Расширение поля смыслов в языке науки – это проявление процессов возрастания гносеологической эмерджентности.

Гносеологическая эмерджентность является той характеристикой языка науки, которая содержит возможности вербализации нового, но пока необъяснимого. Это то, что связано с внерациональным в языке науки, что дополняет понятие «мифопоэзиса научного дискурса». Гносеологически эмерджентные процессы вербализации завер-

шаются формированием образа-символа, метафоры и концепта. А это уже возникновение нового уровня науки, содержащего знания предыдущего, но при этом вырабатывающего собственные специфические понятия, а значит, особенности языка, которые не свойственны нижним уровням.

Проявление этой характеристики усиливается в критические моменты поиска нового смысла, нового понятия. Процессы легко узнаются по большому количеству оправданных и адекватных внешних и внутренних метафор. Усиливается аксеологическое и эвристическое качество языка науки. Завершаются новационные искания тогда, когда в языке науки начинают интенсивнее проявляться качества асерторичности, модельности, процедурности, эротетичности, в состоянии которых язык науки, как было выше сказано, больше поддается абстрагированию и формализации. Концепты кристаллизуются в понятия и формулы.

Как видим, синергетический образ интегрально объединяет собой все представления о структуре языка науки, о проблемах языка науки в периоды кардинальной ломки парадигм и научных картин мира и в периоды «нормальной науки». Он позволяет сформировать системное теоретико-познавательное знание о языке науки, основанное на выводах о его динамической сущности, а также имманентно включает в себя психологические, интенциональные особенности субъекта познания и условия дискурса.

Литература

1. Дубровский Д.И. Гносеология субъективной реальности: К постановке проблемы // Эпистемология & философия науки. – Т. 2 – № 2. – С.35-55.
2. Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации. М.: ПРИОР, 2001. – 428 с.
3. Субботин, А.Л. Классификация. – М.: ИФРАН, 2001. – 94 с.

Literature

1. Dubrovskiy D.I. Gnosiology of subjective reality: to the statement of problem // Epistemologiya & philosophy of a science. – Vol. 2, № 2. – P.35–55.
2. Leshkevich T.G. Philosophy of a science: Traditions and innovations / T.G. Leshkevich. – M.: PRIOR, 2001. - 428 p.
3. Subbotin A.I.. Classification. – M.: IFRAN, 2001. – 94 p.

Сведения об авторе

Иванова Валерия Айбасовна – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, истории и права филиала Всероссийского заочного финансово-экономического института в г. Барнауле, Алтайский край, г. Барнаул, e-mail: iva-nauka@mail.ru

Data on author

Ivanova Valeriya Aibasovna – cand. of philosophy sci., the senior lecturer, head of department of philosophy, history and law of The All-Russian correspondence financial-economic institute, e-mail: iva-nauka@mail.ru

ОБРАЗ ТЕЛА И ЧУВСТВО ТЕЛА – ГЛАВНАЯ ОППОЗИЦИЯ ТЕЛЕСНОГО БЫТИЯ

В статье рассматривается фундаментальная оппозиция телесного бытия: образ тела и чувство тела. Обе полярности возникают как результат дискурсивного освоения телесности. Первая полярность дана во внешней рефлексии, вторая – во внутренней. Несмотря на попытку иерархизировать эти полярности, они рассматриваются как оппозиция равноправных модусов телесного бытия, на основе которой строится целостное феноменальное сознание тела.

Ключевые слова: телесность, дискурсивное тело, образ тела, чувство тела, экстернальная и интернальная рефлексия, «стадия зеркала».

D.G. Trunov

THE BODY IMAGE AND THE BODY FEELING IS A MAIN OPPOSITION OF PHENOMENAL BODY EXISTENCE

In the article fundamental opposition of phenomenal body existence is considered: the body image and the body feeling. Both polarities appear as a result of discursive body mastering. The first polarity is given by external reflection, the second – by internal reflection. Though there are attempts to create the hierarchies of these polarities, they are considered as equal oppositions of phenomenal body existence, on the base of which holistic phenomenal consciousness of the body is built.

Key words: phenomenal body existence, discursive body, the body image, the body feeling, external and internal reflections, "the mirror stage".

Слово «тело» служит для обозначения реального физического объекта, органического или неорганического, живого или неживого. «Телесность» – это феноменальный опыт телесного самобытия, это всегда живой телесный опыт, это опыт сознания своего тела. Телесность не тождественна своим объективным коррелятам, например, телу как «биологическому организму» или как «физической вещи». Феноменальное «тело» может расширять свои «естественные» границы или, напротив, не включать объективно существующие части «организма».

Существование феномена телесности обусловлено тем, что человек развивается в дискурсивной среде, в системе социокультурных знаков и значений. Однако это не означает, что «природное» тело – это естественная, а «культурное» тело – искусственная телесность, что между ними, дескать, существуют непримиримые и даже трагические противоречия. Во всех случаях мы имеем дело с дискурсивным освоением телесности, где каждый дискурс имеет свое слово о теле, где есть определенная устоявшаяся иерархия телесных дискурсов и определенная конкуренция между ними. Другими словами, любое сознание своего тела дискурсивно, а потому нет «внедискурсивных» модусов телесности. Так называемое «пре-дискурсивное тело» предстает как пра-модус телесного бытия, являющийся «материалом», которому дискурс придает ту или иную «форму», как фон, на котором осуществляется творение феномена телесности.

Итак, в своем сознании телесности человек имеет дело с дискурсивным телом, а точнее с разнообразными дискурсивными модусами телеснос-

ти. Из них два модуса – образ тела и чувство тела – составляют неразделимую и одновременно полярную пару и соответствуют двум рефлексивным позициям – экстернальной и интернальной, со стороны внешнего и со стороны внутреннего наблюдателя.

Образ тела

Образ тела – это мое тело, которое я вижу глазами Другого («тело для Другого»); это тело, которое дано мне в экстернальной рефлексии, то есть «внешней» рефлексивной, или «дистантной», позиции. Образом тела здесь называется то, что Э. Гуссерль обозначает как «Körper» [3, 143-172; цит. по: 2, 21], а В. Подорога называет «телом-объектом» [2, 23].

Главное в образе тела его предельная овнешненность. «Внешним телом» М.М. Бахтин называл тело Другого. Однако нетрудно углядеть, что образ тела – это мое тело, переживаемое мной не только как тело для Другого, но даже (!) – как тело Другого: я могу воспринимать свое тело отвлеченно, именно как тело Другого, не теряя при этом ощущение «моего тела». Кроме этого, образ тела связан с телом Другого еще потому, что ценностный канон моего образа тела, безусловно, заимствован в пластических формах Другого. Поэтому характеристику «внешнего тела» Другого, данную Бахтиным, можно смело отнести к собственному образу тела: «Внешнее тело объединено и оформлено познавательными, этическими и эстетическими категориями, совокупностью внешних зрительных и осязательных моментов, являющихся в нем пластическими и живописными ценностями» [1, 44].